

СКАЗКИ
ПУШКИНА

Рисунки И.А.Билибина.

А. С. ПУШКИН

СКАЗКА
О ДАРЕ
СЛАДКОМ

Рисунки И. Я. БИЛИБИНА

ГОЗНАК

5.

8.

КАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ, О СЫНЕ ЕГО, СЛАБОМ И МОГУ- ЧЕМ БОГАТЫРЕ КНЯЗЕ ИН- ДОПЕ САЛТАПОВИЧЕ, И О ПРЕ- КРАСНОЙ ЦАРЕВНЕ ЛЕСЕДИ.

Три девицы под окном
Пряли поздно вечерком.
„Кабы я была царица, —
Говорит одна девица, —
То на весь крещеный мир
Приготовила б я пир“.
„Кабы я была царица, —
Говорит ее сестрица, —
То на весь бы мир одна
Паткала я полотно“.
„Кабы я была царица, —
Третья молвила сестрица, —
Я б для батюшки-царя
Родила богатыря“.

Только вымолвить успела,
Дверь тихонько заскрыпела,
И в светлицу входит царь,
Стороны той государь.
Во все время разговора
Он стоял позадь забора;

Речь последней по всему
Полюбилась ему.
„Здравствуй, красная девица, —
Говорит он, — будь царица
И роди богатыря
Мне к исходу сентября.
Вы ж, голубушки-сестрицы,
Выбирайтесь из светлицы,
Поезжайте вслед за мной,
Вслед за мной и за сестрой:
Будь одна из вас ткачиха,
А другая повариха“.

В сени вышел царь-отец.
Все пустились во дворец.
Царь недолго собирался:
В тот же вечер обвенчался.
Царь Салтан за пир честной
Сел с царицей молодой;
А потом честные гости
На кровать слоновой кости
Положили молодых

И оставили одних.
В кухне злится повариха,
Плачет у станка ткачиха,
И завидуют оне
Государевой жене.
А царица молодая,
Дела вдаль не отлагая,
С первой ночи понесла.
В те поры война была.
Царь Салтан, с женой простясь,
На добра коня садясь,
Ей наказывал себя
Повесить, его любя.
Между тем как он далеко
Бьется долго и жестоко,
Наступает срок родин;
Сына бог им дал в аршин,
И царица над ребенком,
Как орлица над орленком;
Шлет с письмом она гонца,
Чтоб обрадовать отца.

А ткачиха с поварихой,
С сватъей бабой Баварихой,
Извести ее хотят,
Перенять гонца велят;
Сами шлют гонца другого
Вот с чем от слова до слова:
„Родила царица в ночь
Не то сына, не то дочь;
Не мышонка, не лягушку,
А неведому зверюшку“.

Как услышал царь-отец,
Что донес ему гонец,
В гневе начал он чудесить
И гонца хотел повесить;
Но, смягчившись на сей раз,
Дал гонцу такой приказ:
„Ждать царева возвращенья
Для законного решенья“.

Едет с грамотой гонец
И приехал наконец.
А ткачиха с поварихой,
С сватъей бабой Баварихой
Обовратъ его велят;
Допьяна гонца поят
И в суму его пустую
Суют грамоту другую —
И привез гонец хмельной
В тот же день приказ такой:
„Царь велит своим боярам,
Времени не трать даром,
И царицу и приплод
Тайно бросить в бездану вод“.
Делать нечего: бояре,
Потужив о государе
И царице молодой,

В спальню к ней пришли толпой.
Объявили царску волю —
Ей и сыну злую долю,
Прочитали вслух указ,
И царицу в тот же час
В бочку с сыном посадили,
Засмолили, покатали
И пустили в окиян —
Так велел-де царь Салтан.

В синем небе звезды влещут,
В синем море волны хлещут;
Туча по небу идет,
Бочка по морю плывет.
Словно горькая вдовица,
Плачет, бьется в ней царица;
И растет ребенок там
Не по дням, а по часам.
День прошел, царица вопит...
А дитя волну торопит:
„Ты, волна моя, волна!
Ты гульлива и вольна;
Плещешь ты, куда захочешь,
Ты морские камни точишь,
Топишь берег ты земли,
Подымаешь корабли —
Не губи ты нашу душу:
Выплесни ты нас на сушу!“
И послушалась волна:
Тут же на берег она
Бочку вынесла легонько
И отхлынула тихонько.
Мать с младенцем спасена,
Землю чувствует она.
Но из бочки кто их вынет?

Бог неужто их покинет?
Сын на ножки поднялся,
В дно головкой уперся,
Понатужился немножко:
„Как бы здесь на двор окошко
Нам проделать?“ — молвил он,
Вышив дно и вышел вон.

Мать и сын теперь на воле;
Видят холм в широком поле,
Море синее кругом,
Дуб зеленый над холмом.
Сын подумал: добрый ужин
Был бы нам, однако, нужен.
Ломит он у дуба сук
И в тугой сгибает лук,
Со креста снурок шелковый
Натянул на лук дубовый,
Тонку тросточку сломил,
Стрелкой легкой заострил
И пошел на край долины
У моря искать дичины.

К морю лишь подходит он,
Вот и слышит будто стон...
Видно, на море не тихо;
Смотрит — видит дело лихо:
Бьется лебедь среди зыбей,
Коршун носится над ней;
Та бедняжка так и плещет,
Воду вокруг мутит и хлещет...
Тот уж когти распустил,
Клёв кровавый наострил...
Но как раз стрела запела,
В шею коршуна задела —
Коршун в море кровь пролил,
Лук царевич опустил;

Смотрит: коршун в море тонет
И не птичьим криком стонет,
Лебедь около плавает,
Злого коршуна клюет,
Гибель близкую торопит,
Бьет крылом и в море топит —
И царевичу потом
Молвит русским языком:
„Ты, царевич, мой спаситель,
Мой могучий избавитель,
Не тужи, что за меня
Есть не будешь ты три дня,
Что стрела пропала в море:
Это горе — все не горе.
Отплачу тебе добром,
Сослужу тебе потом:
Ты не лебедь ведь избавил,
Девуцу в живых оставил;
Ты не коршуна убил,
Чародея подстрелил.
Бвек тебя я не забуду:
Ты найдешь меня повсюду,
А теперь ты воротись,
Не горюй и спать ложись“.

Улетела лебедь-птица,
А царевич и царица,
Целый день проведши так,
Лечь решились натошак.
Вот открыл царевич очи;
Отрясая грёзы ночи
И дивясь, перед собой
Видит город он большой,
Стены с частыми зубцами,
И за белыми стенами
Блещут маковки церквей

И святых монастырей.
Он скорей царицу будит;
Та как ахнет!.. „То ли будет? —
Говорит он. — Вижу я:
Лебедь тешится моя“.
Мать и сын идут ко граду.
Лишь ступили за ограду,
Оглушительный трезвон
Поднялся со всех сторон:
К ним народ навстречу валит,
Хор церковный бога хвалит;
В колымагах золотых
Пышный двор встречает их;
Все их громко величают
И царевича венчают
Князей шапкой, и главой
Возглашают над собой;
И среди своей столицы,
С разрешения царицы,
В тот же день стал княжить он
И нарекся: князь Гвидон.

Ветер на море гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах.
Корабельщики дивятся,
На кораблике толпятся,
На знакомом острову
Чудо видят наяву:
Город новый златоглавый,
Пристань с крепкою заставой,
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велют.
Пристают к заставе гости;

Князь Гвидон зовет их в гости,
Их он кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь поплывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали соболями,
Чернобурыми лисами;
А теперь нам вышел срок,
Едем прямо на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана...“
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
От меня ему поклон“.
Гости в путь, а князь Гвидон
С берега душой печальной
Провожает бег их дальний;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плавает.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?“ —
Говорит она ему.
Князь печально отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает,
Одолела молодца:
Видеть я в хотел отца“.
Лебедь князю: „Вот в чем горе!
Ну, послушай: хочешь в море
Полететь за кораблем?
Будь же, князь, ты комаром“.

И. ВИАЛИБИЧЪ. 1955.

И крылами замачала,
Воду с шумом расплескала
И обрызгала его
С головы до ног — всего.
Тут он в точку уменьшился,
Комаром оборотился,
Полетел и запищал,
Судно на море догнал,
Потихоньку опустился
На корабль — и в щель забился.
Ветер весело шумит,
Судно весело вежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице;
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой
Около царя сидят
И в глаза ему глядят.
Царь Салтан гостей сажает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, или худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
В море остров был крутой,
Не привальный, не жилой;
Он лежал пустой равниной;
Рос на нем дубок единый;
А теперь стоит на нем
Новый город со дворцом,

С златоглавыми церквами,
 С теремами и садами,
 А сидит в нем князь Гвидон;
 Он прислал тебе поклон".
 Царь Салтан дивится чуду;
 Молвит он: „Коль жив я буду,
 Чудный остров навещу,
 У Гвидона погощу".
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой,
 Не хотят его пустить
 Чудный остров навестить.

„Уж диковинка, ну право,—
 Подмигнув другим лукаво,
 Повариха говорит,—
 Город у моря стоит!
 Знайте, вот что не безделка:
 Ель в лесу, под елью белка,
 Белка песенки поет
 И орешки всё грызет,
 А орешки не простые,
 Всё скорлупки золотые,
 Ядра—чистый изумруд;
 Вот что чудом-то зовут".

Чуду царь Салтан дивится,
 А комар-то злится, злится—
 И впился комар как раз
 Тетке прямо в правый глаз.
 Повариха повлелнела,
 Овмерла и окривела.
 Слуги, сватья и сестра
 С криком ловят комара.
 „Распроклятая ты мошка!
 Мы тебя!..“ А он в окошко
 Да спокойно в свой удел
 Через море полетел.

Снова князь у моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;
Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?“ —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает;
Чудо чудное завести
Мне в хотелось. Где-то есть
Ель в лесу, под елью белка;
Диво, право, не безделка —
Белка песенки поет,
Да орешки всё грызет,
А орешки не простые,
Всё скорлупки золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Но, быть может, люди врут“.
Князю лебедь отвечает:
„Свет о белке правду бает;
Это чудо знаю я;
Полно, князь, душа моя,
Не печалься; рада службу
Оказать тебе я в дружбу“.
С ободренною душой
Князь пошел себе домой;
Лишь ступил на двор широкий —
Что ж? под елкою высокой,
Видит, белочка при всех
Золотой грызет орех,
Изумрудец вынимает,
А скорлупку собирает,
Кучки равные кладет

И с присвисточкой поет
При честном при всем народе:
„Во саду ли, в огороде“.
Изумился князь Гвидон.
„Ну, спасибо, — молвил он, —
Ай да лебедь — дай ей воже,
Что и мне, веселье то же“.
Князь для белочки потом
Выстроил хрустальный дом,
Караул к нему приставил
И притом дьяка заставил
Строгий счет орехам вести.
Князю прибыль, белке честь.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На поднятых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велит.
Пристают к заставе гости;
Князь Гвидон зовет их в гости,
Их и кормит и поит
И ответ держать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали мы конями,
Всё донскими жеребцами,
А теперь нам вышел срок —
И лежит нам путь далек:
Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана...“
Говорит им князь тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окияну
К славному царю Салтану;
Да скажите: князь Гвидон
Шлет царю-де свой поклон“.

Гости князю поклонились,
Вышли вон и в путь пустились.
К морю князь — а лебедь там
Уж гуляет по волнам.
Молит князь: душа-де просит,
Так и тянет и уносит...
Вот опять она его
Вмиг обрызгала всего:
В муху князь оборотился,
Полетел и опустился
Между моря и небес
На коравль — и в щель залез.

Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана,
И желанная страна
Вот уж издали видна;
Вот на берег вышли гости;
Царь Салтан зовет их в гости,
И за ними во дворец
Полетел наш удалец.
Видит: весь сияя в злате,
Царь Салтан сидит в палате
На престоле и в венце,
С грустной думой на лице.
А ткачиха с Бабарихой
Да с кривою поварихой

Около царя сидят,
 Злыми жабами глядят.
 Царь Салтан гостей сажает
 За свой стол и вопрошает:
 „Ой вы, гости-господа,
 Долго ль ездили? куда?
 Ладно ль за морем, иль худо
 И какое в свете чудо?“
 Корабельщики в ответ:
 „Мы объехали весь свет;
 За морем житье не худо;
 В свете ж вот какое чудо:
 Остров на море лежит,
 Град на острове стоит
 С златоглавыми церквами,
 С теремами да садами;
 Ель растет перед дворцом,
 А под ней хрустальный дом;
 Белка там живет ручная,
 Да затейница какая!
 Белка песенки поет
 Да орешки всё грызет,
 А орешки не простые,
 Всё скорлупки золотые,
 Ядра — чистый изумруд;
 Слуги белку стерегут,
 Служат ей прислугой разной —
 И приставлен дьяк приказный
 Строгий счет орехам весть;
 Отдает ей войско честь;
 Из скорлупок льют монету
 Да пускают в ход по свету;
 Девки сыплют изумруда
 В кладовые, да под спуд;
 Все в том острове богаты,
 Изоб нет, везде палаты;
 А сидит в нем князь Гвидон;
 Он прислал тебе поклон“.
 Царь Салтан дивится чуду.
 „Если только жив я буду,
 Чудный остров навещу,
 У Гвидона погощу“.
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Баварихой

Не хотят его пустить
 Чудный остров навестить.
 Усмехнувшись исподтиха,
 Говорит царю ткачиха:
 „Что тут дивного? ну вот!
 Белка камушки грызет,
 Мечет золото и в груди
 Загрывает изумруды;
 Этим нас не удивишь,
 Правду ль, нет ли говоришь.
 В свете есть иное диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипит, подымет вой,
 Хлынет на берег пустой,
 Разольется в шумном беге,
 И очутятся на бреге,
 В чешуе, как жар горя,
 Тридцать три богатыря,
 Все красавцы удалые,
 Великаны молодые,
 Все равны, как на подбор,
 С ними дядька Черномор.
 Это диво, так уж диво,
 Можно молвить справедливо!“
 Гости умные молчат,
 Спорить с нею не хотят.
 Диву царь Салтан дивится,
 А Гвидон-то злится, злится...
 Зажужжал он и как раз
 Тетке сел на левый глаз,
 И ткачиха побледнела:
 „Ай!“ и тут же окривела;
 Все кричат: „Лови, лови,
 Да дави ее, дави...
 Вот ужо! постой немножко,
 Погоди...“ А князь в окошко,
 Да спокойно в свой удел
 Через море прилетел.

Князь у синя моря ходит,
 С синя моря глаз не сводит;
 Глядь — поверх текучих вод
 Лебедь белая плывет.
 „Здравствуй, князь ты мой прекрасный!

Что ты тих, как день ненастный ?
Опечалился чему? —

Говорит она ему.

Князь Гвидон ей отвечает:

„Грусть-тоска меня съедает —
Диво в дивное хотел
Перенести я в мой удел“.

„А какое ж это диво?“

„Где-то вздуется бурливо
Окиян, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в шумном беге,

И очутятся на берегу,
В чешуе, как жар горя,

Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Беликаны удалые,

Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор“.

Князю лебедь отвечает:

„Вот что, князь, тебя смущает?

Не тужи, душа моя,

Это чудо знаю я.

Эти витязи морские

Мне ведь братья все родные.

Не печалься же, ступай,

В гости братьцев поджидай“.

Князь пошел, забывши горе,

Сел на башню, и на море

Стал глядеть он; море вдруг

Всколыхалось вокруг,

Расплескалось в шумном беге

И оставило на берегу

Тридцать три богатыря;

В чешуе, как жар горя,

Идут витязи четами,

И, блистая сединами,

Дядька впереди идет

И ко граду их ведет.

С башни князь Гвидон свегает,

Дорогих гостей встречает;

Второпях народ бежит;

Дядька князю говорит:

„Лебедь нас к тебе послала

И наказом наказала

Славный город твой хранить

И дозором обходить.

Мы отныне ежедневно

Вместе будем непременно

У высоких стен твоих

Выходить из вод морских.

Так увидимся мы вскоре,

А теперь пора нам в море;

Тяжек воздух нам земли“.

Все потом домой ушли.

Ветер по морю гуляет

И кораблик подгоняет;

Он бежит себе в волнах

На поднятых парусах

Мимо острова крутого,

Мимо города большого;

Пушки с пристани палят,

Кораблю пристать велят.

Пристают к заставе гости.

Князь Гвидон зовет их в гости,

Их и кормит и поит

И ответ держать велит:

„Чем вы, гости, торг ведете?

И куда теперь поплывете?“

Корабельщики в ответ:

„Мы объехали весь свет;

Торговали мы булатом,

Чистым серебром и золотом,

И теперь нам вышел срок;

А лежит нам путь далек,

Мимо острова Буяна,

В царство славного Салтана“.

Говорит им князь тогда:

„Добрый путь вам, господа,

По морю по окияну

К славному царю Салтану.

Да скажите ж: князь Гвидон

Шлет-де свой царю поклон“.

Гости князю поклонились,

Вышли вон и в путь пустились.

К морю князь, а лебедь там

Уж гуляет по волнам.

Князь опять: душа-де просит...

Так и тянет и уносит...

И опять она его

Вмиг обрызгала всего.

Тут он очень уменьшился,

Шмелем князь оборотился,

Полетел и зажужжал;

Судно на море догнал,

Потихоньку опустился

На корму — и в щель забился.

Ветер весело шумит,

Судно весело бежит

Мимо острова Буяна,

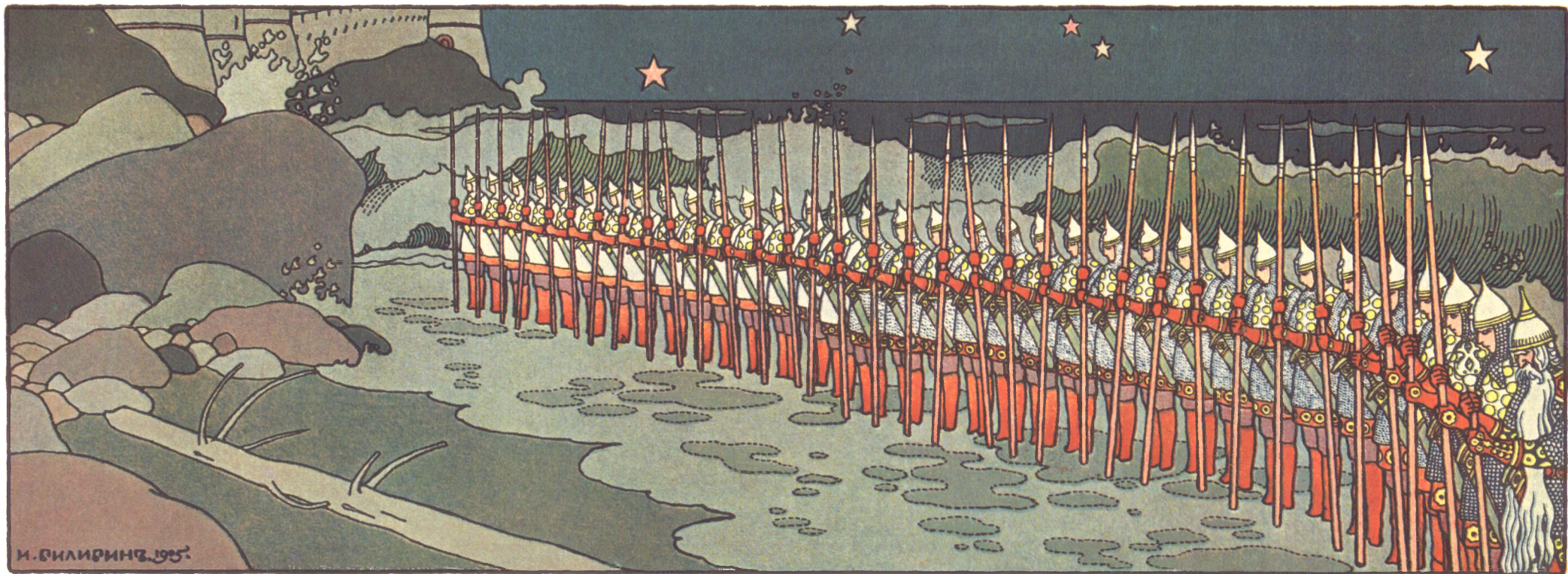
В царство славного Салтана,

И желанная страна

Вот уж издали видна.

Вот на берег вышли гости.

Царь Салтан зовет их в гости,
 И за ними во дворец
 Полетел наш удалец.
 Видит, весь сияя в злате,
 Царь Салтан сидит в палате
 На престоле и в венце,
 С грустной думой на лице.
 А ткачиха с поварихой,
 С сватьей бабой Бабарихой
 Около царя сидят —
 Четырьмя все три глядят.
 Царь Салтан гостей сажает
 За свой стол и вопрошает:
 „Ой вы, гости-господа,
 Долго ль ездили? куда?
 Ладно ль за морем, нль худо?
 И какое в свете чудо?“
 Корабельщики в ответ:

„Мы объехали весь свет;
 За морем житье не худо;
 В свете ж вот какое чудо:
 Остров на море лежит,
 Град на острове стоит,
 Каждый день идет там диво:
 Море вздуется бурливо,
 Закипит, подымет вой,
 Хлынет на берег пустой,
 Расплеснется в скором беге —
 И останутся на бреге
 Тридцать три богатыря,
 В чешуе златой горя,
 Все красавцы молодые,
 Великаны удалые,
 Все равны, как на подбор;
 Старый дядька Черномор
 С ними из моря выходит

И попарно их выводит,
 Чтобы остров тот хранить
 И дозором обходить —
 И той стражи нет надежней,
 Ни храбрее, ни прилежней.
 А сидит там князь Гвидон;
 Он прислал тебе поклон“.
 Царь Салтан дивится чуду.
 „Коли жив я только буду,
 Чудный остров навещу
 И у князя порошу“.
 Повариха и ткачиха
 Ни гугу — но Бабариха,
 Усмехнувшись, говорит:
 „Кто нас этим удивит?
 Люди из моря выходят
 И себе дозором вродят!
 Правду ль бают или лгут,

Дива я не вижу тут.
В свете есть такие ль дива?
Вот идет молва правдива:
За морем царевна есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает,
Месяц под косою блещит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выплывает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Молвить можно справедливо,
Это диво, так уж диво".
Гости умные молчат:
Спорить с бабой не хотят.
Чуду царь Салтан дивится —
А царевич хоть и злится,
Но жалеет он очей
Старой бабушки своей:
Он над ней жужжит, кружится —
Прямо на нос к ней садится,
Нос ужалил богатырь:
На носу вскочил волдырь.
И опять пошла тревога:
„Помогите, ради бога!
Караул! лови, лови,
Да дави его, дави...
Вот ужо! пожди немножко,
Погоди!..“ А шмель в окошко,
Да спокойно в свой удел
Через море полетел.
Князь у синя моря ходит,
С синя моря глаз не сводит;

Глядь — поверх текучих вод
Лебедь белая плывет.
„Здравствуй, князь ты мой прекрасный!
Что ж ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему?" —
Говорит она ему.
Князь Гвидон ей отвечает:
„Грусть-тоска меня съедает:
Люди женятся; гляжу,
Не женат лишь я хожу".
„А кого же на примете
Ты имеешь?" — „Да на свете,
Говорят, царевна есть,
Что не можно глаз отвести.
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает —
Месяц под косою блещит,
А во лбу звезда горит.
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
Сладку речь-то говорит,
Будто реченька журчит.
Только, полно, правда ль это?"
Князь со страхом ждет ответа.
Лебедь белая молчит
И, подумав, говорит:
„Да! такая есть девица.
Но жена не рукавица:
С белой ручки не стряхнешь
Да за пояс не заткнешь.
Услужу тебе советом —
Слушай: обо всем об этом
Пораздумай ты путем,
Не рассказаться в потом".
Князь пред нею стал божиться,

Что пора ему жениться,
Что об этом обо всем
Передумал он путем;
Что готов душою страстной
За царвеною прекрасной
Он пешком идти отсель
Хоть за тридцать земель.
Лебедь тут, вздохнув глубоко,
Молвила: „Зачем далеко?
Знай, близка судьба твоя,
Ведь царевна эта — я".
Тут она, взмахнув крылами,
Полетела над волнами
И на берег с высоты
Опустилася в кусты,
Встрепенулася, отряхнулася
И царвеною обернулася:
Месяц под косою блещит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава;
А как речь-то говорит,
Словно реченька журчит.
Князь царвеною обнимает,
К белой груди прижимает
И ведет ее скорей
К милой матушке своей.
Князь ей в ноги, умоляя:
„Государыня-родная!
Выбрал я жену себе,
Дочь послушную тебе.
Просим оба разрешенья,
Твоего благословенья:
Ты детей благослови
Жить в совете и любви".

Над главою их покорной
Мать с иконой чудотворной
Слезы льет и говорит:
„Бог вас, дети, наградит“.
Князь не долго собирался,
На царевне обвенчался;
Стали жить да поживать,
Да приплода поджидать.

Ветер по морю гуляет
И кораблик подгоняет;
Он бежит себе в волнах
На раздутых парусах
Мимо острова крутого,
Мимо города большого;
Пушки с пристани палят,
Кораблю пристать велят.
Пристают к заставе гости.
Князь Гвидон зовет их в гости,
Он их кормит и поит
И ответ дерзжать велит:
„Чем вы, гости, торг ведете
И куда теперь плывете?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет,
Торговали мы недаром
Неуказанным товаром;
А лежит нам путь далек:
Восвояси на восток,
Мимо острова Буяна,
В царство славного Салтана“.
Князь им вымолвил тогда:
„Добрый путь вам, господа,
По морю по окяню
К славному царю Салтану;

Да напомниме ему,
Государю своему:
К нам он в гости обещался,
А доселе не собрался —
Шлю ему я свой поклон“.
Гости в путь, а князь Гвидон
Дома на сей раз остался
И с женою не расстался.
Ветер весело шумит,
Судно весело бежит
Мимо острова Буяна,
К царству славного Салтана,
И знакомая страна
Вот уж издали видна.
Вот на берег вышли гости.
Царь Салтан зовет их в гости.
Гости видят: во дворце
Царь сидит в своем венце,
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Баварихой,
Около царя сидят,
Четырьмя все три глядят.
Царь Салтан гостей саждает
За свой стол и вопрошает:
„Ой вы, гости-господа,
Долго ль ездили? куда?
Ладно ль за морем, иль худо?
И какое в свете чудо?“
Корабельщики в ответ:
„Мы объехали весь свет;
За морем житье не худо,
В свете ж вот какое чудо:
Остров на море лежит,
Град на острове стоит,
С златоглавыми церквами,

С теремами и садами;
Ель растет перед дворцом,
А под ней хрустальный дом;
Белка в нем живет ручная,
Да чудесница какая!
Белка песенки поет
Да орешки все грызет;
А орешки не простые,
Скорлупы-то золотые,
Ядра — чистый изумруд;
Белку холят, берегут.
Там еще другое диво:
Море вздуется бурливо,
Закипит, подымет вой,
Хлынет на берег пустой,
Расплеснется в скором беге,
И очутятся на бреге,
В чешуе, как жар горя,
Тридцать три богатыря,
Все красавцы удалые,
Беликаны молодые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
И той стражи нет надежней,
Ни храбрее, ни прилежней.
А у князя женка есть,
Что не можно глаз отвести:
Днем свет божий затмевает,
Ночью землю освещает;
Месяц под косою блещит,
А во лбу звезда горит.
Князь Гвидон тот город правит,
Всяк его усердно славит;
Он прислал тебе поклон,
Да тебе пеняет он:

К нам-де в гости обещался,
А доселе не собрался“.

Тут уж царь не утерпел,
Снарядить он флот велел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Не хотят царя пустить
Чудный остров навестить.
Но Салтан им не внимает
И как раз их унимает:
„Что я? царь или дитя? —
Говорит он не шутя. —
Нынче ж еду!“—Тут он топнул,
Вышел вон и дверью хлопнул.

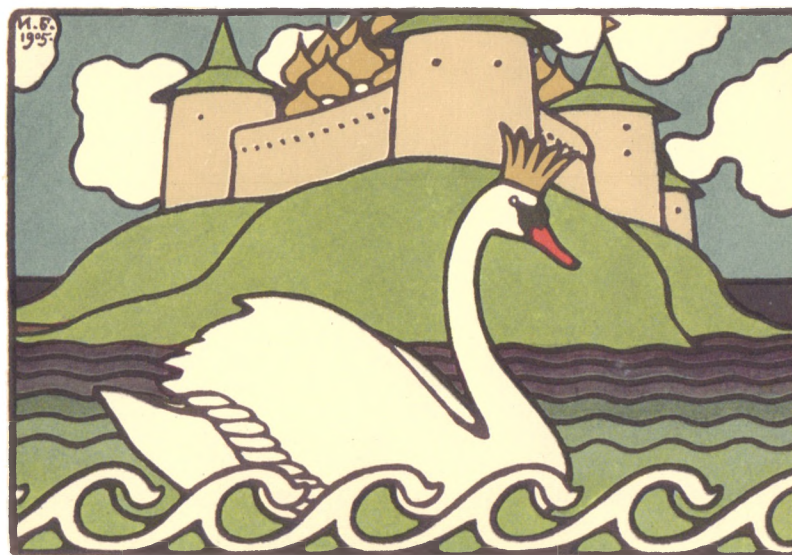
Под окном Гвидон сидит,
Молча на море глядит:
Не шумит оно, не хлещет,
Лишь едва, едва трепещет,
И в лазоревой дали
Показались корабли:
По равнинам окияна
Едет флот царя Салтана.
Князь Гвидон тогда вскочил,
Громогласно возопил:
„Матушка моя родная!
Ты, княгиня молодая!
Посмотрите вы туда:
Едет батюшка сюда“.
Флот уж к острову подходит,

Князь Гвидон трубу наводит:
Царь на палубе стоит
И в трубу на них глядит;
С ним ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
Удивляются оне
Незнакомой стороне.
Разом пушки запалили;
В колокольнях зазвонили;
К морю сам идет Гвидон;
Там царя встречает он
С поварихой и ткачихой,
С сватьей бабой Бабарихой;
В город он повел царя,
Ничего не говоря.

Все теперь идут в палаты:
У ворот блистают латы,
И стоят в глазах царя
Тридцать три богатыря,
Все красавцы молодые,
Великаны удалые,
Все равны, как на подбор,
С ними дядька Черномор.
Царь ступил на двор широкий:
Там под елкою высокой
Белка песенку поет,
Золотой орех грызет,
Изумрудец вынимает
И в мешочек опускает;

И засеян двор большой
Золотою скорлупой.
Гости дале — торопливо
Смотрят — что ж? княгиня — диво:
Под косою луна влещит,
А во лбу звезда горит;
А сама-то величава,
Выступает, будто пава,
И свекровь свою ведет.
Царь глядит — и узнает...
В нем взыграло ретивое!
„Что я вижу? что такое?
Как!“ — и дух в нем занялся...
Царь слезами залился,
Обнимает он царицу,
И сынка, и молодницу,
И садятся все за стол;
И веселый пир пошел.
А ткачиха с поварихой,
С сватьей бабой Бабарихой,
Разбежались по углам;
Их нашли насилу там.
Тут во всем они признались,
Повинились, разрыдались;
Царь для радости такой
Отпустил всех трех домой.
День прошел — царя Салтана
Уложили спать вполъяна.
Я там был; мед, пиво пил —
И усы лишь обмочил.

**А. С. Пушкин
СКАЗКА О ЦАРЕ САЛТАНЕ**

**Шрифт художников И. С. Крылова и И. Ф. Федорина
Ответственный за выпуск О. М. Абрамов
Технический редактор И. А. Угарова
Корректоры Д. М. Голубева и Р. В. Пешкова
Печатники А. В. Александров, Н. С. Дружинин, Б. М. Кузнецов**

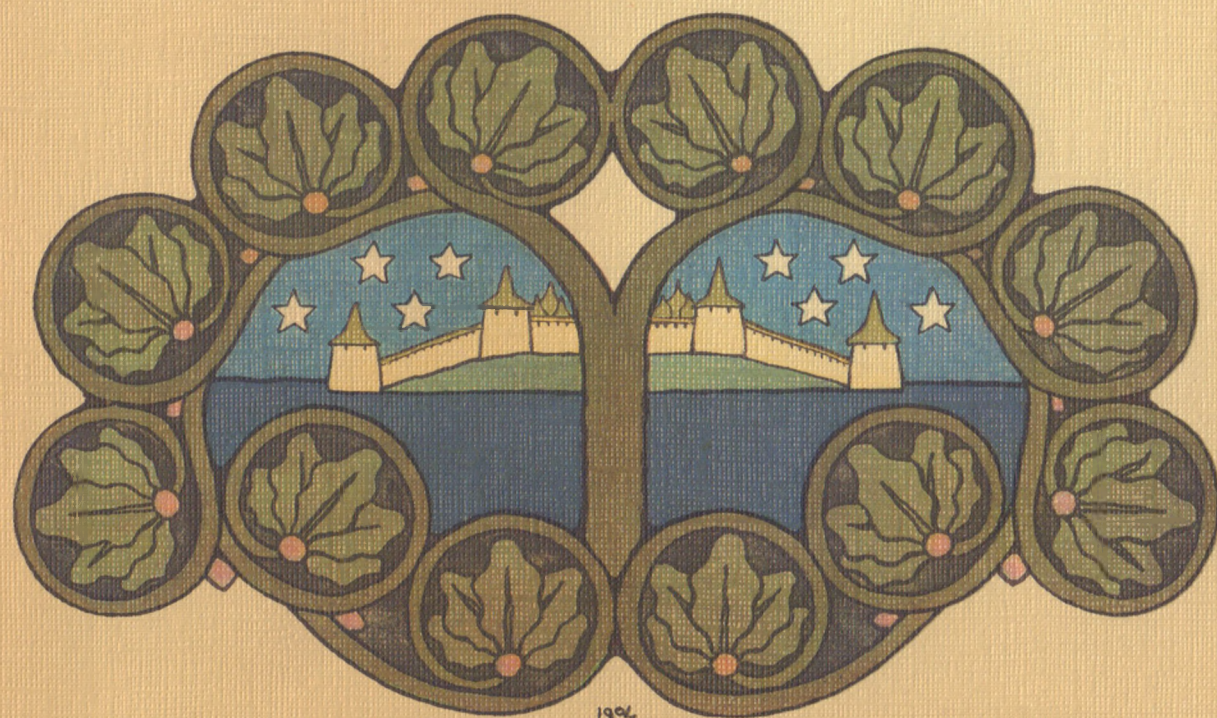
Подписано в печать 20. 06. 89. Бумага 75×108/8 Краснокамской бумажной фабрики Гознака. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 3,75. Тираж 25 000 экз. Заказ 8310. Цена 2 руб. 20 коп.

Гознак, 113162, Москва, Мытная, 17.
Московская типография Гознака. 129301, Москва, пр. Мира, 105

ГОЗНАК

ГОЗНАК
1990

и. 1902. в.